

и рѣшающей психологической обстановкѣ. Лично, конечно, Годуновъ былъ сильнымъ человѣкомъ, и потому, можетъ быть, о него самозванческая революція разбилась бы. Николаи же былъ человѣкомъ слабымъ, и всего болѣе по этому пораженческая революція смела его. Ибо не можетъ также подлежать сомнѣнію, что революціонныя движенія сильны не столько своей силою, сколько слабостью своихъ противниковъ.

Мартъ 1922 г.

Петръ Струве.

2. Henri Berr. *L'histoire traditionnelle et la synthèse historique*. Paris. 1921. (Alcan.) Pp. X + 146.

Авторъ, являющийся сторонникомъ научной исторіи въ смыслѣ стараго позитивизма и написавшій въ этомъ духѣ цѣлый и весьма интересный томъ, въ которомъ идеи позитивизма являются, впрочемъ, весьма подновленными и освѣженными*), въ разбираемомъ томѣ собралъ статьи, имѣющія весьма различное содержаніе, но группирующіяся вокругъ понятія и проблемы исторіи.

Первая статья (стр. 1-16) даетъ тонко выписанный портретъ историка-эрудита, собирателя документовъ и изслѣдователя мѣстной исторіи, Philippe Tamizey de Larroque (1828—1898), того самаго, о которомъ въ короткомъ діалогѣ двухъ студентовъ идетъ рѣчь въ романѣ Анаголя Франса „Le crime de Silvestre Bonnard“. Такихъ историковъ, никогда не приступавшихъ ни къ какому, даже самому скромному синтезу, было и есть много во Франціи, въ Англии, въ Германіи. Были такіе типы и въ Россіи. Но, кажется, всего болѣе во Франціи они носятъ обликъ подлинныхъ эрудитовъ. Тамизэ де Ларрокъ всю свою жизнь прожилъ въ провинціи, въ деревнѣ, работая надъ книгами и рукописями, собралъ огромную и цѣннѣйшую бібліотеку (она почти вся въ 1895 г. сгорѣла) и далъ цѣлый рядъ цѣнныхъ изданій, являющихся матеріалами для французской литературно-общественной исторіи XVI и XVII вѣковъ. Онъ собиралъ и издавалъ матеріалы, но не обрабатывалъ ихъ. Характеристику этого французскаго провинціала-дворянина, погруженнаго въ изслѣдовательскую работу и ею жившаго, нельзя здѣсь передать сколько нибудь выразительно: ее нужно прочесть въ подлинникѣ Бэрра, который лично зналъ Тамизэ и рисуетъ его, какъ живое лицо.

Вторая статья это — полемика съ тѣмъ направлениемъ, которое Бэрръ называетъ „Histoire historisante“, въ лицѣ французскаго историка Альфена (Louis Halphen). Альфенъ — „хартистъ и медіэвистъ по исходной точкѣ, постепенно, по словамъ Бэрра, расширилъ свой историческій горизонтъ“ и началъ ставить себѣ болѣе широкія и обобщающія задачи. Но онъ по-прежнему, несмотря на пропаганду Бэрра, стоитъ на томъ, что исторія есть „science du particulier“. Это, въ сущности, та точка зрѣнія которая лежитъ въ основѣ философскаго пониманія исторіи у Ренувье, отчасти у Курно и получила такое яркое выраженіе въ построеніяхъ Виндельбанда и Риккерта. Poleмикѣ съ Альфеномъ, который напечаталъ письмо во журналѣ Бэрра „Revue de synthèse historique“, посвященнаго стр. 17-31 книжки.

Промежуточную позицію занимаетъ въ вопросѣ о „теоріи исторіи“ румынскій историкъ Ксенополь († въ 1919 г.) Последній свою концепцію исторіи построилъ на противоположеніи явленія повторенія и явленія послѣдовательности. Бэрръ понимаетъ, что это различіе приводитъ къ различенію между закономъ и фактомъ и между природой и исторіей, т. е. именно къ тѣмъ различіямъ, къ которымъ подходитъ

*) La synthèse en histoire. Paris. 1911. Съ 1900 г. Бэрръ издаетъ журналъ „Revue de synthèse historique“.

Курно*) и которая такъ послѣдовательно развернули Виндельбандъ и Риккертъ. Бэрръ, мнѣ кажется, мѣтко указываетъ нѣкоторыя непослѣдовательности автора „La théorie de l'histoire“, въ частности, поскольку онъ устанавливаетъ понятіе „ряда“, которое критикъ справедливо почитаетъ темнымъ (стр. 39: Sa conception de la série, au lieu de donner „la clef de l'histoire“, me semble obscure.) Интересной полемикѣ съ Ксенополомъ посвящены стр. 33-55 томака.

Большая его часть (стр. 57-146) содержитъ весьма интересную характеристику „теоретика“ „Исторіи — Науки“, Поля Лакомба. Это очень любопытная фигура, до сихъ поръ не достаточно оцѣненная на родинѣ. Пожалуй, даже въ кругахъ, интересующихся проблемами философіи исторіи и социологіи, Лакомбъ извѣстенъ относительно болѣе въ Россіи, чѣмъ во Франціи (его „De l'histoire, considérée comme science“ (1894) и его замѣчательная „Appropriation du Sol“ переведены на русскій языкъ. Скоро ли вернется время, когда издатели вродѣ Павленкова каждый мѣсяцъ выбрасывали на книжный рынокъ десятки дешевыхъ хорошихъ переводныхъ и оригинальныхъ книгъ, расходившихся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ?!) Сквозь толщу банально-позитивистскихъ взглядовъ у Лакомба, на пространствѣ всей его литературной дѣятельности (онъ дожилъ до глубокой старости, родившись въ 1834, скончавшись въ 1919 г.), пробиваются плодотворныя мысли философскаго и подлинно-эмпирическаго характера.

Изъ всѣхъ версій „экономическаго истолкованія“ исторіи версія Лакомба самая продуманная и самая эмпирически пріемлемая. Эта версія дана имъ еще въ 1889 г. въ книгѣ, прошедшей мало замѣченной: *La Famille dans la Société romaine. Etude de morale comparative*. „Что экономика господствуетъ въ исторіи множества явленій неэкономическихъ въ точномъ смыслѣ и что ея вліяніе почти никогда не отсутствуетъ, это неизбѣжно: въ этомъ находитъ себѣ историческое выраженіе (c'est la traduction historique) тотъ великій и простой фактъ, самоочевидный во всякой частной жизни, что прежде всего необходимо позаботиться о своемъ пропитаніи и одѣяніи и что объ этомъ нужно заботиться каждый день. Такъ-же точно какъ специальная тяжесть земныхъ предметовъ объясняется всеобщимъ тяготѣніемъ, власть экономики въ исторіи объясняется закономъ болѣе широкимъ, который покрываетъ собою всю человѣческую жизнь: въ средѣ, которая грызетъ и точитъ человѣческое тѣло изнутри и извнѣ, первую по настоятельности изъ всѣхъ человѣческихъ потребностей составляетъ потребность въ восстановленіи этого тѣла. Это первенство, очевидное въ частной жизни, становится равнымъ образомъ очевиднымъ въ жизни исторической, когда мы начинаемъ ее разсматривать взоромъ пристальнымъ и свободнымъ отъ предразсудковъ“ (стр. 424-425 назв. соч. цит. у Бэрра на стр. 75).

Лакомбъ стремился построить „научную исторію“, какъ науку объ общемъ въ противоположеніи частному, о законахъ, въ противоположеніи фактамъ, объ учрежденіяхъ, понимая это слово въ самомъ отвлеченномъ смыслѣ (Лакомбъ даже выдумалъ варварское существительное *l'institutionnel*) и въ противоположеніи событіямъ (для которыхъ онъ тоже придумалъ абстрактную категорію „l'événementiel“). Въ то же время Лакомбъ занимался конкретными историческими изслѣдованіями (по исторіи революціи) и ими увлекался, и это приводило его къ исторіи событіи, къ „histoire événementielle, accidentelle, individuelle“. Но затѣмъ всетаки тяга къ „всеобщему“, къ законамъ, преодолѣвала, и онъ возвращался къ своему „историческому

*) У меня въ рукахъ сейчасъ его „*Matérialisme, vitalisme, rationalisme*“ (Paris, 1875), гдѣ онъ, подходя къ своей основной проблемѣ случая, говоритъ (стр. 67): „*En général dans tous les phénomènes s'observe le contraste de la loi et du fait, de ce qui est essentiel ou nécessaire en vertu d'une loi... et de ce qui résulte accidentellement ou fortuitement de certaines dispositions initiales ou de certaines rencontres dont nous n'admettons pas la nécessité en vertu d'une loi.*“

материализму, "согласно которому исторической жизнью управляли не идеи, а потребности. Эти колебания и эту борьбу взглядовъ въ старѣющемъ духѣ Берръ чрезвычайно интересно изображаетъ по письмамъ и дневникамъ Лакомба, переданнымъ ему наслѣдниками послѣдняго.

Лакомбъ былъ настоящимъ типомъ „частнаго ученаго,“ Privatgelehrter, какъ говорятъ нѣмцы. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ былъ республиканцемъ — индивидуалистомъ, противникомъ революціи, сторонникомъ социальныхъ реформъ. Когда республика смѣнила имперію, онъ, какъ товарищъ Гамбетты, приблизился даже на короткое время къ чисто-административной дѣятельности, сперва въ роли супрефекта; потомъ онъ перешелъ въ управление библиотекъ и архивовъ. Образъ этого замѣчательнаго человѣка, который былъ почти исключительно ученымъ по всему складу своей натуры, хотя многое написанное имъ относится болѣе къ публицистикѣ и популярно-научной литературѣ, чѣмъ къ наукѣ, какъ живой, встаетъ подъ искуснымъ, любовно-изобразительнымъ перомъ Берра. Нѣкоторыя книги Лакомба навсегда останутся въ литературѣ обществовѣдѣнія, какъ произведенія глубокой и честной теоретической мысли.

Петръ Струве.

3. Georges Danos, ingénieur des ponts et chaussées, docteur en droit. L'idée de l'autarchie économique et les statistiques du commerce extérieur. Paris 1921 (Librairie de Société du Recueil Sirey.) pp. XXIII + 92.

Основная мысль книги заключается въ томъ, что идея экономической „автаркіи“, „самодовлѣнія“ отдѣльныхъ государствъ не находитъ себѣ никакой опоры въ данныхъ статистики внѣшней торговли. Сперва авторъ излагаетъ и разбираетъ различныя теченія, въ которыхъ выражается эта идея, начиная съ Фихте и кончая новѣйшими авторами (американскими протекціонистами въ лицѣ Симона Паттена, Чемберленомъ-отцомъ и его послѣдователями и, наконецъ, германскими „экономическими империалистами“). Затѣмъ онъ останавливается на идеяхъ меркантилистовъ, которыхъ онъ знаетъ, повидимому, только изъ вторыхъ рукъ, и, наконецъ, вкратцѣ характеризуетъ воззрѣнія Фр. Листа. „Листъ никогда не думалъ изъ идеи экономическаго самодовлѣнія дѣлать стержень своей доктрины“. — говоритъ Дано вслѣдъ за Жидомъ и Ристомъ.

Проблема, которую занимается авторъ, представляетъ крупнѣйшій интересъ и по существу, и методологически. Конечно, абсолютнаго „самодовлѣнія“ не существуетъ; конечно, ни Британская Имперія, ни Соединенные Штаты, ни Россія не суть самодовлѣющія экономическія цѣлыя. И поскольку авторъ опровергаетъ эти утвержденія, онъ побѣдоносенъ. Но именно анализъ внѣшней торговли разныхъ хозяйственныхъ цѣлыхъ вскрываетъ глубокія различія въ экономической структурѣ различныхъ странъ (авторъ самъ замѣчаетъ это на стр. 26). Внѣшняя торговля, на примѣръ, Россіи весьма явственно отражаетъ исторически сложившійся ея экономическій укладъ, тѣсно связанный и съ величиной, и съ географическимъ положеніемъ Россіи. То же относится къ Соединеннымъ Штатамъ. И въ той, и въ другой изъ этихъ странъ подавляющее значеніе имѣетъ внутренній рынокъ, и этимъ обѣ эти страны, правда въ разной мѣрѣ, отличаются отъ такихъ странъ, какъ Германія, Англія и даже Франція. Этотъ особый экономическій укладъ, преобладаніе внутренняго рынка надъ внѣшнимъ, не слѣдуетъ называть экономическимъ „самодовлѣніемъ“, ибо только въ отвлеченно мыслимомъ предѣлѣ первый моментъ можетъ приводить ко второму, или совпадать съ нимъ, но какъ то необходимо и создавать, и подчеркивать такое своеобразие.